

Кувшинникова Софья Петровна

1916, 157
274

1931 СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
1931 Москва
от 4 октября
15 ФВ 1986 ЛН

У ЛАМПЫ С ЗЕЛЕНЫМ АБАЖУРОМ

В январе 1892 года в журнале «Север» появился рассказ Чехова «Попрыгунья». И сразу же его «герои» узнали себя и все узнали его «героев». В «Попрыгунье», Ольге Ивановне, — Софью Петровну Кувшинникову. Но сам Антон Павлович это отрицал. «Можете себе представить, — писал он Л. А. Авиловой 29 апреля 1892 года, — одна знакомая моя, 42-летняя дама, узнала себя в двадцатилетней героине моей «Попрыгуньи», и меня вся Москва обвиняет в пасквиле...»

Но такова магическая сила чеховского творения — Кувшинникову обычно чуть ли не полностью равняют с «Попрыгуньей». Хотя о том, насколько она являлась прообразом Ольги Ивановны, о сходстве реального человека и литературного персонажа в рассказе написано достаточно.

Мой же очерк о Софье Петровне Кувшинниковой, о том, какой она была в действительности. И заняться ею побудили меня интересные находки, о которых я скажу позже...

Да, Чехов близко знал Кувшинникову. Признанно, хотя и несколько иронично к ней относился.

Тем не менее Антон Павлович охотно посещал салон Кувшинниковой, где собирались литераторы, артисты, художники, музыканты, куда приезжали такие знаменитости, как Ермолова, Сумбатов-Южин, Репин, Ленский, Донской, Гославский... (Многие из них попали в «Попрыгунью», верно были переданы стиль и распорядок журфиксов Кувшинниковой, обстановка ее квартиры). Известны письма Софьи Петровны к Чехову. В конце 1891 года Антон Павлович на отдельном издании повести «Дуэль» сделал такую надпись: «Софье Петровне Кувшинниковой от опального, но неизменно преданного автора». Почему «опального»? Вероятно, уже тогда что-то изменилось в их отношениях. Полным разрывом меж ними стала «Попрыгунья».

На одном из вечеров в салоне Кувшинниковой в 1886

году с ней и ее мужем познакомился Исаак Ильич Левитан. В них он нашел «горячих поклонников и ревностных друзей». Кувшинникова становится ученицей художника. Она вместе с Левитаном и А. С. Степановым отправляется на этюды в Савинскую слободу под Звенигород. Позже она много ездит с Левитаном.

Расстались они летом 1894 года. Но до конца жизни Кувшинникова благодарно отзывается о нем. «Восемь лет мне пришлось быть ученицей, товарищем по охоте, другом Левитана, — писала она в своих воспоминаниях. — Восемь лет, посвященных практическому изучению природы под руководством Левитана, это выше всякой школы».

Кем же была в жизни Софья Петровна Кувшинникова? Приведу лишь некоторые, по моему, достаточно авторитетные суждения людей, ее хорошо знавших.

«Она писала красками (и очень хорошо, даже выставила свои работы, главным образом цветы), — отзывалась о ней Т. Л. Щепкина-Куперник. — Прекрасно играла на фортепиано, в молодости носила мужской костюм и ходила с ружьем на охоту, а позже ездила с художниками на этюды в качестве полноправного товарища... Для своего поколения это была женщина незаурядная... Она соединяла с большой смелостью жизни и суждений старомодную благовоспитанность манер и скромность речи...»

Вот мнение Михаила Павловича Чехова, постоянного посетителя салона Кувшинниковой: «Это была интересная по своим дарованиям женщина».

«В Кувшинниковой имелось много такого, что могло нравиться и увлекать, — вспоминала О. Л. Книппер-Чехова. — Красотой она не выделялась, но была безусловно интересна — оригинальна, талантлива, поэтична и изящна».

Софья Петровна умерла летом 1907 года. Ухаживала

по доброте душевной за одинокой, больной тифом художницей и заразилась от нее...

Итак, Кувшинникова была одаренной художницей. Ее пейзажи и натюрморты экспонировались в 1887—1906 годах на многих московских и петербургских выставках. Еще в 1888 году Третьяков купил для своей галереи

небольшую ее картину «В Петропавловской церкви города Плес на Волге». Это ли не признание даровитости Кувшинниковой?!

Хочу добавить, что теперь Третьяковская галерея обладает тремя ее холстами.

Работы Кувшинниковой разбросаны по музейным и частным собраниям. Они ни-

когда не были собраны вместе хотя бы в какой-то своей части. Поэтому ее творчество не изучено.

Лишь недавно в Плесе, в Музее И. И. Левитана, встретил я, к своему удовольствию, небольшую, но постоянную и отменно построенную экспозицию ее картин. Представлено несколько пейзажей, отысканных и приобретенных в частных коллекциях. Именно об этих находках я и предупреждал читателей. Они дают представление о живописи Кувшинниковой. Быть может, иногда «подправленной» рукой Левитана. Но рукой не кого-нибудь, а великого пейзажиста! По этим картинам можно сказать о большом вкусе автора, изяществе письма, о тонком понимании родной природы.

Особенно тогда, когда показ картин сопровождается вдохновенным рассказом о личности художницы, ее творчестве заведующей музеем (и его организатором!) Аллы Павловны Вавиловой. Очевидно, от нее посетители столь популярного теперь музея впервые узнают о Кувшинниковой. И не от плесских ли ее картин рождается и повсеместно растет интерес к ней?!

Поэтому видится мне в недалеком будущем первая персональная выставка работ Кувшинниковой (неприменно с каталогом). Конечно же, в Плесе, где она побывала с Левитаном в 1888, 1889, 1890 годах, в городе, с которым связаны самые значительные ее творческие успехи и которому посвящены лучшие ее работы, и где ныне, в музее ее друга и наставника, чтут и ее память.

О Музее И. И. Левитана в Плесе много писали и пишут и совершенно справедливо. Я же коснусь его лишь потому, что он представляет собой не только превосходный, единственный в стране мемориал замечательного мастера, но и Кувшинниковой.

В доме, где жили во время своих приездов Софья Петровна, Левитан и Степанов,

на втором этаже восстановлена и ее комната. Сюда по вечерам приходили художники, знакомые их и поклонники. Пили чай за круглым столом, у лампы с зеленым абажуром, спорили об искусстве, слушали игру Софьи Петровны на пианино. Оно чудом сбереглось в Плесе, отыскала его Вавилова в бывшем доме лесопромышленника Фомичева и перевезла в музей. Все вещи, здесь представленные, точно передают обстановку комнаты.

Только пастельного портрета Софьи Петровны здесь тогда не было. Создан он Левитаном, но не подписан им, не датирован. Да и зачем было это делать? Ведь не для выставки или продажи предназначался! Для себя исполнил его Исаак Ильич, вероятно, в 1892—1893 годах.

После его смерти портрет «пошел по рукам». Кто-то из очередных его владельцев показал картину брату художника — Адольфу Ильичу, и тот своей подписью удостоверял произведение. Наверное, это было излишним, так как все, кто видел портрет, относили его к лучшим работам Левитана. Как он ласково, проникновенно написан, с каким трогательным чувством и блестящим мастерством!

Тем не менее до недавнего времени портрет не был известен искусствоведам, не указывался он в литературе. Вавилова отыскала его в коллекции московского собирателя Юлия Владимировича Невзорова. Получила для музея.

...Плес! Неизгладимое впечатление оставил он в жизни и творчестве Софьи Петровны Кувшинниковой. Но вряд ли она могла предположить, что именно из этого города через многие десятилетия возвратится она в историю отечественного искусства истинным своим человеческим и духовным обликом.

Евграф КОНЧИН,
наш спец. корр.

● А. СТЕПАНОВ. Этюд (И. Левитан и С. Кувшинникова).